

ИСТОРИКО-НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

АНДРЕЙ ГЕННАДЬЕВИЧ ВАГАНОВ

руководитель группы популяризации науки и техники
Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН,
Москва, Россия;
e-mail: andrewvag@gmail.com

Коллекционирование как форма проявления исследовательского инстинкта ученого

Предпринята попытка предложить нестандартного подхода к научной деятельности. Показано сближение и взаимовлияние коллекционирования и научной деятельности, важность создания коллекций в процессе познания. Сближение между наукой и коллекционированием — процесс взаимообусловленный, то есть не только коллекционерство на высшей ступени своего развития переплавляется в научное занятие, но и занятие наукой имеет все признаки, присущие проектному коллекционированию.

Ключевые слова: коллекционеры, исследовательская коллекция, социология коллекционирования.

В 1993 году был издан академический справочник «Научная элита. Кто есть кто в Российской академии наук» (Научная элита, 1993). Подготовленный профессиональными журналистами, он включает и короткую информацию об увлечениях научной элиты. Ни в одном служебном академическом справочнике таких сведений не найдешь. Даже при беглом ознакомлении с этими сведениями очевидно: для академического поколения начала 1990-х самыми распространенными увлечениями были коллекционирование марок (филателия) и собирание книг (библиофилия).

* * *

Стало уже почти традицией говорить о коллекционировании как о страсти. «Причудливый язык названий и “родословных”, которые есть у вещей, поддерживает порнографическую связь, превращающую в фетиши солнцезащитные очки

и авторучки, туфли и велосипеды, — словом, практически все, что можно купить, собрать, систематизировать, все, чем можно владеть», — заявляет директор лондонского Музея дизайна Д. Суджич (Суджич, 2013: 12). Но даже сравнение страсти коллекционерства с порнографической страстью, не самое сильное, что можно встретить в литературе, когда речь заходит о феномене собирательства. «...Коллекционерство есть игра со смертью (страсть) и в этом смысле символически сильнее самой смерти», — отмечает Ж. Бодрийяр, подходя с мерками психоанализа к исследуемому нами явлению (Бодрийяр, 2001: 109).

За двадцать лет до первого французского издания книги Бодрийяра (1968) выразил то же самое символическое состояние бессмертия, которое дает коллекция (в данном случае — библиофильская коллекция) академик С. И. Вавилов. 12 сентября 1948 года, находясь в Ленинграде, он запишет в своем дневнике: «Роюсь в шкафах и доверху набитых полках. Больше — все хорошие книги, но в них тонешь, в могилу с собою не возьмешь».

А после снова потащатся книги прямыми и кривыми путями на толкучку, в книжные лавки. Во всяком случае, живут они много дольше хозяев. Странно: закристаллизовавшаяся мысль, которая существует только при наличии других. Я и все. Условность “я”. А что же у человека лучше книг? Ничего. Лучший Пушкин и Ньютон — конечно, в книгах. Это: фракционированная тонкая перегонка клубка, хаоса мыслей. Книжное “бессмертие”. Хорошее бессмертие, понятное другим и приятное самому. Днем с [сыном] Виктором ездили по книжным лавкам. Снова пыль, кристаллы прошлого. <...> Жизнь с книгами — странная жизнь, но реальная, настоящая, хотя и платоновская» (Вавилов, 2012: 367).

Как мы увидим дальше, С. И. Вавилов фактически определил все онтологические и теоретические проблемы собирательства: принципиальная недостижимость завершения строящейся с помощью коллекции модели личной вселенной коллекционера; взаимозависимость судьбы коллекции и судьбы коллекционера; принципы «термодинамики» формирования коллекций; пространственно-временной континуум коллекций (попытка обмануть Хронос — «книжное “бессмертие”»).

Хотя и неявно, но С. И. Вавилов обозначил еще одну, возможно самую главную, проблему: различие инстинктивного (поведенческого) и проективного (деятельностного) типов коллекционирования, то есть коллекционирование не просто как «рефлекс цели» («по Павлову»), но как осознанная деятельность.

Коллекционированию как социальному, психологическому и даже физиологическому феномену посвящено немало количество серьезных исследований¹. Наиболее известна небольшая статья академика И. П. Павлова — «Рефлекс цели». В основе ее — сообщение нобелевского лауреата на III съезде по экспериментальной педагогике в Петрограде 2 января 1916 года. В этой работе русский физиолог выделяет и описывает совершенно специфический рефлекс: «Анализ деятельности животных и людей приводит меня к заключению, что между рефлексом должен быть установлен особый рефлекс, рефлекс цели — стремление к обладанию определенным раздражающим предметом, понимая и обладание, и предмет в широком смысле

¹Особенно обширна литература, посвященная психологическим и социальным аспектам книжного коллекционирования. Вот только несколько названий: *Рубакин Н. А.* Что такое библиологическая психология. Л., 1924; *Куфаев М. Г.* Библиофилия и библиомания. Психофизиология библиофильства. Л., 1927; *Рац М. В.* О собирательстве: заметки библиофила. М., 2002.

слова <...>. Из всех форм обнаружения рефлекса цели в человеческой деятельности самой чистой, типичной и потому особенно удобной для анализа и вместе самой распространенной является коллекционерская страсть <...>» (Павлов, 1999: 360). Академик Павлов дает развернутую психологическую характеристику коллекционированию как занятию и коллекционерам. «Беря коллекционерство во всем его объеме, нельзя не быть пораженным фактом, что со страстью коллекционируются часто совершенно пустые, ничтожные вещи <...> А рядом с ничтожностью цели всякий знает ту энергию, то безграничное подчас самопожертвование, с которым коллекционер стремится к своей цели. Коллекционер может сделаться посмешищем, преступником, может подавить свои основные потребности, все ради его собраний <...>. Сопоставляя все это, необходимо прийти к заключению, что это есть темное, первичное, неодолимое влечение, инстинкт, или рефлекс» (Павлов, 1999: 360–361).

И все-таки феномен собирательства, коллекционерства остается еще во многом загадочным. А тема «ученые-коллекционеры» — тем более белое пятно в науковедении и социальной истории науки. Хотя попытки разобраться или, по крайней мере, зафиксировать этот феномен предпринимались.

Так, в книге русского философа профессора И. И. Лапшина, вышедшей в 1922 году, есть небольшой раздел «Коллекционерская наклонность» (Лапшин, 1922: 133–136). В нем Лапшин отмечает: «Проф. И. П. Павлов в замечательной статье “Рефлекс цели” поставил в связь с коллекционерской наклонностью животных наклонность к приобретению у людей. Она, прежде всего, выражается в стремлении к накоплению материальных благ» (Лапшин, 1922: 134). И. И. Лапшин идет дальше: «С философским творчеством связано и библиофильство, которое представляет иногда глубокую страсть. *Энциклопедизм* есть опять же высшая интеллектуальная форма коллекционирования — это коллекционирование знаний в искусственном, но удобном для справок порядке. <...> Но коллекционерская наклонность, преобразаясь в коллекционирование идей, является уже чистейшим выражением стремлений человеческого духа к наибольшему богатству и полноте знаний» (Лапшин, 1922: 134–135).

Однако исследование И. И. Лапшина едва ли не единственное в отечественной литературе, в котором осознанно предпринята попытка проанализировать коллекционерство как неотъемлемую часть научного способа мышления. Уже в наши дни другой исследователь, социолог А. Н. Малинкин, даст такое определение этой особенности: «Коллекционирование — это эмпирическое исследование, оторопевшее под очарованием собранного материала, а коллекционер — зачарованный странник околонучного познания» (Малинкин, 2011: 99).

Коллекционирование как околонучное познание — это можно принять, хотя бы в качестве первого приближения. И, заметим, не *псевдо-*, не *квази-*, не *лже-* научное, а именно — *околонучное* (то есть *паранаучное*); знание, которому порой не хватает шаг-полшага, чтобы совершенно законно получить статус научного.

* * *

Ничего удивительного, что вполне законно существует и специальное понятие — «исследовательская коллекция». Скажем, вот как характеризовалось еще в 1980-е годы одно из направлений филателии. «Коллекционирование почтовых

гашений — особая отрасль филателии, сформировавшаяся сравнительно недавно. Однако в последнее время собирание оттисков почтовых отправлений переживает свое второе рождение. *Это связано с ростом исследовательских тенденций в современных филателистических коллекциях...*» (Якобс, 1983: 4) (курсив в цитатах здесь и везде далее, если не оговорено специально, мой. — А. В.).

Это и вправду напоминает пересечение и без того почти свободно проницаемой границы, отделяющей просто собирание (инстинктивное поведение, по Павлову) от исследовательской (проектной) деятельности полноценного ученого. Вот еще несколько примеров подобной диффузии...

Когда в 1947 году началось восстановление Петродворца, Пушкина, других ленинградских пригородов, архитекторы и реставраторы обратились за помощью к петербургским коллекционерам, обладателям собраний старинных рисунков, гравюр, открыток, сохранивших изображения зданий и интерьеров. Выдающийся филокартист Николай Спиридонович Тагрин (1905–1981), в коллекции которого было более 500 тысяч открыток, предоставил все необходимые материалы реставраторам. Полученный материал был настолько ценен, что Президиум Академии наук СССР, по инициативе президента АН СССР С. И. Вавилова, наградил Тагрин в 1947 году премией за создание коллекции, «...представляющей энциклопедию культурной жизни нашей эпохи» (Петрицкий, 2012: 7–8).

В том же 1947 году, 12 июня, прошло учредительное собрание, на котором была создана научная секция коллекционеров при Ленинградском доме ученых им. М. Горького. Тот же Тагрин так сформулировал основные задачи, стоящие перед секцией: собирание, учет и изучение культурных ценностей; *разработка теоретических проблем коллекционирования*; экспертиза по вопросам науки и культуры средствами коллекционных материалов (Петрицкий, 2012: 9).

Такова, например, знаменитая коллекция М. Добина «Из истории Санкт-Петербургской почты». Авторитетный специалист в области филателии Вадим Александрович Якобс характеризует ее так: «Собирая почтовые отправления, прибывшие или ушедшие из Санкт-Петербурга в XVII–XIX и начале XX века, *изучая по надписям на почтовых штемпелях различных типов* путь пересылки и доставки каждого письма, коллекционер сумел раскрыть особенности работы почтовых учреждений города: отправку и получение внутренней иногородней и заграничной корреспонденции; денежных и казенных писем экспедициями почтамта; доставку этих отправлений городскими почтовыми отделениями; функции городской почты; этапы ее реорганизации» (Якобс, 1983: 129–130).

Вообще в СССР официальная наука вполне определенно относила коллекционирование к сфере именно научной деятельности или, как минимум, не имела ничего против того, чтобы коллекционеры относили свою деятельность к области вполне научной. По крайней мере, некоторые виды коллекционирования. Хороший пример — нумизматика.

«Нумизматика — отрасль знаний, основной задачей которой является изучение монет, медалей и денежных знаков в экономическом, историческом и художественном отношениях. С научной точки зрения, нумизматика является исторической дисциплиной, изучающей наряду с археологией памятники художественно-материальной культуры», — пишет Э. Д. Грибанов, автор каталога «Медицина в нумизматике» (Грибанов, 1962: 3). Заметим, что этот каталог был представлен на Первой

Всесоюзной конференции историков медицины в Ленинграде (1959), где Э. Д. Грибанов развернул выставку «Медицина и нумизматика».

Для нашего дальнейшего рассмотрения полезно будет отметить и то, как Грибанов устанавливает цели нумизматики и укореняет совсем уж специальную тему — «Медицина в нумизматике» — в системе культуры европейской. «Нумизматика, как отрасль исторической науки, сравнительно молода. <...> Медицинские медали, жетоны, значки до сих пор не привлекали должного внимания ни специалистов общей истории, ни историков медицины, в то время как в собраниях музеев и у отдельных любителей-коллекционеров имеется большое количество этих памятников художественно-материальной культуры.

Задачей именно историков медицины является *собрание, систематизация и доведение до сведения* широкой медицинской общественности имеющихся нумизматических памятников медицинского содержания» (Грибанов, 1962: 3, 4).

Еще более распространенная среди нумизматов тема — «ученые на монетах и банкнотах». «...Даже опираясь только на нумизматические памятники, можно составить вполне последовательную картину развития физики, астрономии и математики. *Эта картина, разумеется, неполна*», — пишет доктор физико-математических наук, профессор и коллекционер А. Н. Васильев, автор книги «Ученые на монетах мира» (Васильев, 2005: 5). Уже в издательской аннотации находим все тот же мотив осторожного сближения научной и коллекционерской деятельности: «Коллекционирование — занятие увлекательное. Оно сочетает в себе азарт поиска редких экземпляров и склонность к систематизации собранного материала. *Эти элементы в какой-то степени присущи и научным исследованиям*».

Такого рода сближение между наукой и коллекционированием, по-видимому, процесс взаимозависимый: не только коллекционерство в высшей стадии своего развития переплавляется в научное занятие, но и занятие наукой имеет все признаки, присущие продвинутому коллекционированию. Именно об этом, фактически, говорит известный шотландский эмбриолог Дж. Нидхэм: «...было бы опрометчиво умалять значение простой любознательности в развитии науки XVII в. Праздный, дилетантский, почти коллекционерский характер исследований Левенгука <...> слишком очевиден и поучителен, чтобы этого не заметить» (Нидхэм, 1947: 22).

Академик В. И. Вернадский настаивал: «Собрание коллекций было для Гете не препровождение времени любителя, знатока, — оно было одним из способов его научной работы. <...> Гете в результате этой работы становился знатоком той области знания, предметы которой он собирал. Он держал в своей памяти этим путем огромное количество точно установленных, постоянно обдумываемых фактов. Он распространил этот способ научной работы на изучение нумизматики, рисунков, гравюр, камней, скульптур, медалей. Он работал так упорно и *систематически* всю жизнь. Работал как ученый» (Вернадский, 1997: 229). Гете собирал коллекции всю жизнь. Его собрание минералов, например, насчитывало до 18 тысяч образцов. В связи со своими анатомо-морфологическими исследованиями Гете собрал также очень приличную остеологическую коллекцию (а по существу — палеонтологическую). «В своем доме он создал целый музей, который держал в порядке, точно определял находящиеся в нем предметы и постоянно пересматривал их один или с любителями», — почти не маскирует своего восхищения В. И. Вернадский (Вернадский, 1997: 226). Еще бы: «Гете работал в естествознании как натуралист, а не как *дилетант или как философ*» (Вернадский, 1997: 219).

Науку от коллекционирования порой действительно трудно «отлепить». Характеристика эта наиболее выпукло проявляется в начальный период развития любой отрасли научного знания, особенно естествознания. Коллекционирование здесь выступает как синоним феноменологии. Джон Гунтер, выдающийся английский хирург XVIII века, начав изучать формирующуюся в то время новую науку — физиологию, сформировал постепенно коллекцию из 13 тысяч анатомических, патологических и биологических препаратов. Это собрание стало потом основой Гунтеровского музея (Фридман, Фридланд, 2012: 168).

Интересный случай коллекции ученого находим уже в цитированном нами справочнике «Научная элита». Член-корреспондент РАН, геохимик Е. В. Пиннекер (1926—2001) был увлеченным коллекционером этикеток минеральных вод (Научная элита, 1993: 362). А интересен этот случай тем, что здесь происходит замещение реального природного объекта, который невозможно музеефицировать и поместить в системную исследовательскую коллекцию, на его символическое (иконическое) представление.

Важно подчеркнуть, что приближение коллекционерства к статусу «научное исследование» происходило и происходит не одновременно, не автоматически, то есть научность — это не имманентно присущее собирательской деятельности свойство. «Собирательство последней трети [XX] века вышло на новый, качественно более высокий уровень, в чем-то *сближаясь (но не сливаясь) с музейной и научной работой*», — подчеркивает кандидат технических наук, доцент МГТУ им. Баумана, библиофил и коллекционер графики Э. П. Казанджан (Книга в системе общения, 2005: 66). В 1953 году американский библиофил Теодор С. Блеген подчеркивал: «Во все времена судьбы будут подтверждать усердие и знания частных коллекционеров, которые, идя дальше удовлетворения своих личных потребностей в коллекционировании, внесли бесценный вклад в науку» (Басбейнс, 2012: 51).

К этому методологически тонкому вопросу — о различении типов мышления и деятельности ученого и коллекционера — у нас еще будет повод обратиться. Однако уже сейчас первое, что очевидно напрашивается: коллекционирование — это действительно реинкарнация, видообразование такой важной составляющей научного познания, как систематизация. Недаром сам термин «коллекционирование» происходит от *colligere* — «выбирать, собирать».

* * *

Систематики и систематизация — это становой хребет и научного сообщества, и науки. Великие систематики очень часто были и великими коллекционерами: Аристотель (собирал естественноисторические коллекции, был одним из первых библиофилов), Ньютон (коллекционировал физические и химические приборы, оптику — офтальмофилия), Линней (явный фитофил: его страсть — коллекционирование растений и гербариев), Ломоносов (библиофил, увлекался минералогией), Дарвин (коллекционировал, кажется, все: жуков, печати, морские раковины, птичьи яйца — дологофилия), Менделеев (билеты, счета, квитанции — отовсюду, где бывал; а кроме того, чемоданы).

Канадский физиолог, автор учения о стрессе, Ганс Селье, известен еще и тем, что создал одну из самых подробных классификаций типов личности ученого. Таковых

он насчитал 72, одна из разновидностей — классификатор. «Классификатор» состоит в близком родстве с «собирателем фактов», но предпочитает только тесно связанные факты, которые можно выстраивать в ряды. До некоторой степени он теоретик, поскольку *предполагает нечто существенно общее в создаваемых им группах объектов*, но редко идет дальше и анализирует природу этой общности. Давая этим группам обозначения, он тем самым удовлетворяет свою потребность в этом отношении <...>. «Классификаторы» внесли огромный вклад в создание современной науки, ибо идентификация естественных явлений и их систематическая классификация — это первый шаг на пути создания теории. У «классификатора» подлинно научная душа <...>. Иногда в своем увлечении «классификаторством» он доходит до упорядочения предметов по самым незначительным характеристикам <...>» (Селье, 1987: 37).

Обратим внимание на две особенности в этих рассуждениях Селье. Во-первых, он сближает в своей систематике «классификаторов» и «собирателей фактов». И это очень характерно. Второй момент, который интересно отметить, заключается в том, что «классификатора» Селье относил к более крупному таксону — «думатели».

Я не знаю, был ли коллекционером Селье. Но его столь подробная система классификации сама по себе — коллекция. Кстати, систематизацией своих коллег-ученых по типу личности занимались Аристотель, Чарлз Дарвин, Джеймс К. Максвелл, Анри Пуанкаре, И. П. Павлов, Луи де Бройль, Вальтер Оствальд, Фримен Дайсон.

Как бы там ни было, триада эта (коллекционирование — систематизация — научное исследование) находится в подвижном, текучем состоянии.

* * *

Здесь мы подбираемся к очень интересной теме, требующей, конечно, специального исследования. Но и нам нельзя обойти ее. Речь идет о возникновении музейных коллекций различных редкостей (*curiositatae*) с дальнейшей трансформацией их в научные музейные коллекции.

Закономерно, что начало и расцвет научной революции XVI–XVIII веков совпадает с расцветом музейных коллекций. «К началу XVII в. музейное движение, равно как и библиотечное, с которым оно часто бывало тесно связано, достигло широкого распространения в Западной Европе, охватив в той или иной степени все страны. Большинство крупных городов имело хотя бы один какой-нибудь публичный или частный музей; в некоторых же столицах они насчитывались десятками» (Серебряков, 1936: 70–71).

На первый взгляд, собирание научных коллекций — это достаточно случайная деятельность, хотя и вполне проектная. Однако зачастую это совсем не так. Интересную интерпретацию теоретического обоснования логики возникновения научных коллекций дает французский социолог науки Б. Латур. В его социологическом анализе научной деятельности, коллекция, коллекционирование — это «мобилизация миров»: «...история науки — это в значительной мере мобилизация всего, что можно сделать подвижным и отвезти домой для участия в универсальной переписи. <...> Чтобы повысить мобильность, стабильность и комбинаторность собранных предметов, были необходимы новые изобретения. Тем, кто отправляется в путешествия по миру, нужно было дать подробные инструкции: как делать чучела

животных, как правильно высушивать растения, как пометать образцы, как их называть, как прикалывать бабочек, как выполнять рисунки животных и деревьев, которые пока никому не удалось привезти домой или укротить. И когда это сделано, когда начинают формироваться и пополняться огромные коллекции, происходит такая же [Коперниковская] революция». Латур делает кардинальный вывод из этого факта: «Зоологи в своих музеях естественной истории, не удаляясь больше чем на несколько сотен метров и лишь открывая десятки ящиков, получают возможность путешествовать по всем континентам, климатическим зонам и временным периодам. <...>. В новых условиях стало возможно, например, увидеть общие черты у разных животных, живших в разных местах и в разное время. Зоологи *видят новое*, ведь впервые перед чьими-либо глазами оказывается так много различных существ; вот и вся загадка возникновения науки» (курсив оригинала) (Латур, 2013: 346, 348).

В контексте нашего разговора — о влиянии развития науки на методы, способы и объекты коллекционирования — надо отметить, что подобные коллекции естественнонаучных «куриозов» стали возможны после открытия способа консервации биологического материала. А. Н. Малинкин пишет: «Научные открытия, появление новых технологий и новой техники, а соответственно, и новых материалов, приводит к возникновению новых видов коллекционирования. Более того, сама идея коллекции эволюционирует вместе с прогрессом науки и техники» (Малинкин, 2011: 37). Так, в XVI веке первый директор Пизанского ботанического сада Лука Гини изобрел способ засушивания растений в бумаге. И сразу же появляются гербарии и коллекции гербариев. У генерала всех ботаников Карла Линнея была, пожалуй, на тот момент самая полная, и уже потому уникальная, коллекция гербариев со всего мира. «Гмелин, путешествовавший по Сибири, прислал ему гербарий из сибирских растений, Гроновиус — коллекцию растений Виргинии и профессор Соваж из Монпелье — коллекцию тамошних растений. Оставшийся после профессора Германа в Лейдене гербарий из растений Цейлона также был прислан в Упсалу, и Линней долго трудился над исследованием высохших цветов, чтобы описать *Flora Zeulanica*» (Грубе, 1877: 91). И это помимо собственных обширных гербариев, собранных Линнеем в экспедициях в Лапландию, Ютландию, Этландию, западную Готландию. Типичный случай *фитофилии* — коллекционирования растений.

Именно Карл Линней полагал, что еще в течение его жизни он получит полное представление об Универсуме. «Дух систематизации, или амбиции *охватить всю действительность во всеобъемлющую сеть* — пронизывали этот линнеевский XVIII век», — пишет шведский историк науки Г. Бруберг (Бруберг, 2006: 40). Другой биограф Линнея, немецкий естествоиспытатель XIX века Лоренц Окен, коротко так определил принцип создания коллекций Линнея: «*Система созерцания природы одним взглядом*» (цит. по: Грубе, 1877: 91).

* * *

Это и есть предельная цель (мания) любого коллекционера, то есть — систематика. Даже если «тематический фетишист» (еще одно определение коллекционера, по Малинкину) и не хочет себе в этом признаваться. К счастью, цель эта недостижима. Но стремление достичь ее, а главное — уверенность в ее достижимости

в XVI и XVII веках тотальны. «Естественные, искусственные и “сверхъестественные” объекты в коллекциях эпохи Ренессанса были тщательно *отобраны с целью формирования миниатюрной копии Вселенной в ее бесконечном многообразии*», — отмечает М. Бьянчи, профессор экономики в Университете Кассино (Бьянчи, 2006: 118). Таковым это стремление остается и сегодня. Жан Бодрийяр склонен к психоаналитическим обобщениям: «Коллекционерство <...> страсть абстракции, бросающей вызов всем нравственным законам, чтобы не осталось ничего, кроме абсолютного церемониала *замкнутой вселенной*, в которой субъект сам себя заточает» (Бодрийяр, 2000: 214). Не менее психоаналитичен и Д. Суджич: «...коллекционирование как таковое <...> пожалуй, точнее всего можно охарактеризовать как попытку повернуть время вспять, а может быть, и бросить вызов брэнности. Собирая определенные предметы, мы, пусть ненадолго, вносим *некое ощущение порядка во Вселенную*, которая его лишена» (Суджич, 2013: 28).

«Формирование миниатюрной копии Вселенной» — эта цель остается неизменной, онтологически присущей коллекционированию как виду деятельности и сегодня. Вот как описывает В. А. Никитин, кандидат архитектуры, доктор культурологии, заместитель директора Международного центра перспективных исследований (Киев), квартиру известного московского библиофила, доктора геолого-минералогических наук, профессора М. В. Раца. «Квартира М. В. Раца в Москве поразила меня с первого раза и продолжала поражать и впоследствии <...> Квартира имела плотную и разнообразную среду, которая воспроизводила во мне *наглядный образ галактики Гутенберга* и провоцировала процесс “внутреннего” чтения поверх книг и картин» (Книга в системе общения, 2005: 51). И опять — космологические аллюзии.

Угроза гибели созданной вселенной порой может отодвинуть на задник истории в системе мироздания собирателя события даже геополитического масштаба. 16 октября 1941 года, находясь в эвакуации в Боровом (Северный Казахстан), академик В. И. Вернадский запишет в своем дневнике: «Резкое изменение настроения о войне. Явно для всех проявляется слабость вождей нашей армии и реально считаются с возможностью взятия Москвы и разгрома. *Возможна гибель всего моего архива и библиотеки*. Когда я уезжал в июле — мысль о возможности [их] потери и гибели мелькала, но не чувствовалось реально, как она [мысль] выступает сейчас» (Вернадский, 2010: 123). Вот так, без перехода: от тревоги по поводу вполне реальной потери Москвы — к еще большей озабоченности в связи с этим судьбою собственной библиотеки.

Но, как бы там ни было, копия бесконечности — вот трансцендентная цель почти любого коллекционирования. Тут можно подняться до таких высот или, наоборот, рухнуть в такие глубины смысла, что дух захватывает. Как заметил все тот же Бодрийяр, «системы, преследуемые своей систематичностью, завораживают: они ловят смерть как энергию гипнотизма» (Бодрийяр, 2000: 225). Найти закономерность, совладать с видимым окружающим хаосом Природы — это под силу было только онтологическим систематикам, по-другому — коллекционерам.

У. Эко пронизательно замечает: «Практические списки являются своеобразным выражением формы, поскольку сообщают единство набору предметов, которые сами по себе могут значительно отличаться друг от друга, но в рамках списка подвержены влиянию *контекстуального давления* — в том смысле, что их взаимосвязь установлена простым фактом их нахождения в одном месте или их принадлежностью к единой цели определенного проекта. <...> Практические списки не содержат несоответствий — при условии, что понятен принцип, по которому такой список

составлен» (Эко, 2013: 186). Фактически Эко задает главный принцип конструирования онтологии любой коллекции — «единая цель определенного проекта».

А библиофил М. В. Рац такой проектный подход считает высшей формой коллекционерской деятельности вообще: «Как и в любой другой деятельности, если и когда человек начинает что-то собирать, он рано или поздно осмысляет свои занятия. Что и зачем он собирает? Проектное — в точном смысле — собирательство предполагает собственную работу библиофила над списком его дезидерат (пожеланий) — только тогда это занятие становится, как говорится, творческим» (Рац, 2012: 27, 28).

Впрочем, математик и философ Бертран Рассел, которого цитирует экономист и философ Фридрих Хайек, совсем не идеализирует такой тип психологической установки: «Удовольствие строить по плану есть один из самых мощных мотивов в людях, наделенных и умом, и энергией; такие люди стремятся строить по плану все, что только может быть таким образом построено <...> покуда существует *власть, связанная с созиданием*, будут существовать и люди, желающие эту власть употребить <...>». И хотя в данном отрывке Хайек ссылается на авторитет Рассела отнюдь не в контексте коллекционерства и собирательства, трудно подобрать более точное определение движущей силы деятельности по составлению тех или иных коллекций: «власть, связанная с созиданием». Любопытно, однако, что сам Хайек подчеркивает: этот могучий человеческий инстинкт «особенно силен в ученых-естествоиспытателях и инженерах» (Хайек, 2003: 131).

Итак, «*власть, связанная с созиданием*». Однако можно задаться вопросом: «Власть, связанная с созиданием» чего?

* * *

И тут, переходя с языка метафор на строгое научное наречие, нельзя не заметить, что все коллекционеры, по существу, занимаются не чем иным, как созданием (конструированием) *ценозов* тех или иных артефактов (предметов коллекционирования).

Еще в 1970-е годы профессор Б. И. Кудрин², обобщив основные известные на тот момент статистические закономерности поведения социальных систем (закон Лотки — распределения ученых по продуктивности; закон Ципфа — частотный и ранговый анализ текстов; закон Брэдфорда — кумулятивный закон рассеяния публикаций по одной тематике в системе периодических и продолжающихся изданий), распространил эти законы (так называемое гиперболическое распределение — *H*-распределение) на область всего технического. Гиперболический закон оказался применим ко всем областям существующего, складывающегося, ожидаемого и, главное, не ожидаемого технического. Техника, технологии, материалы, продукция, отходы — как некая целостность, *техноценоз*. Логично, что в 1976 году профессор Кудрин пришел к формулированию *закона информационного отбора*. Предложенный им подход оказался чрезвычайно мощным средством исследования устойчивости ценозов любой природы — не только техноценозов.

² Борис Иванович Кудрин — профессор Московского энергетического института, доктор технических наук, крупнейший отечественный специалист по электроснабжению металлургических предприятий, главный конструктор Системы автоматизированного проектирования в черной металлургии (САПР-Чермет) и... коллекционер винных этикеток, библиофил.

Для нашей темы коллекционерства ученых важно отметить, что ценозы, в формулировке Кудрина, образованы практически бесконечным количеством изделий (особей), хотя математически — это счетное множество. Ценоз — это некий трансцендентальный объект. «Речь идет об умозрительном познании, несомненно, существующего материального образования, <...> которое идентифицируется вполне очевидным образом, но которое именно как объект познания не дано материально, а задано нами — как задается математическая абстракция», — подчеркивает Б. И. Кудрин (Теория эволюции, 1998: 28). При этом каждая особь ценоза в отдельности вполне идентифицируема.

Другими словами, исследователь, а в нашем случае это систематик/коллекционер, сам конструирует объект анализа — ценоз (коллекцию), то есть фактически коллекционер выступает в роли демиурга, творца своего собственного универсума. После этого уже не кажутся преувеличением слова Бодрийяра о том, что в некотором символическом смысле коллекционерство сильнее самой смерти.

Более или менее понятна и отработана методология демиургии собирательских вселенных. «Первый шаг коллекционирования — это определение набора коллекции, включающий в себя два действия. Сначала потенциальный коллекционер должен определить границы коллекции — то, что он планирует собирать: марки, часы и т.п., затем определяются связи, которые будут объединять элементы коллекции в единое целое... Таким образом, часто по умолчанию выполняются правила классификации коллекции и внутренних связей так, что коллекция становится внутренне упорядоченной и урегулированной» (Бьянчи, 2006: 117–118).

Добавим — создается/задается не что иное, как ценоз. И можно не сомневаться, что распределение особей (предметов коллекционирования) этого ценоза-коллекции по некоторому параметру (например, по динамике формирования коллекции) будет подчиняться гиперболическому закону. Самое интригующее при этом, несомненно, то, что коллекционер, конечно, не держит в голове никакого «гиперболического закона», которому должна подчиняться созданная им вселенная (коллекция). Закон этот работает объективно, как и закон всемирного тяготения, например. Хотя, подчеркнем, коллекционер, исходя из индивидуального интереса, устанавливает смысловые связи между единицами своей коллекции. Это то, о чем пишет М. В. Рац, говоря, что библиофильство — «занятие странное: чтобы преуспеть, здесь надо выигрывать в жесткой конкуренции, и/или *открывать новые направления собирательства*» (Книга в системе общения, 2005: 25). И это касается не только библиофильства, но и такого популярного вида коллекционирования, как филателия. Ведь даже филателисты — собиратели так называемых «генеральных коллекций» (то есть *всех подряд выпусков* знаков почтовой оплаты той или иной страны) обречены так никогда и не приблизиться к границам своего ценоза. Бесконечно расширяющаяся вселенная, начавшаяся с «большого взрыва» — первого выпуска, первой марки.

Об этом же, фактически, говорит и автор, скрывшийся за псевдонимом «N», из уже цитированного нами сборника «Книга в системе общения...». N формулирует некоторые подходы к возможной «термодинамике собирательства» (термин мой. — А. В.), точнее, к математическому моделированию такой термодинамики. Намечается некий синтез ценологического подхода к изучению возникновения и существования коллекций (то есть объекта трансцендентного множества, которое «задано нами, как задается математическая абстракция») и такого мощного метода исследования, как термодинамический анализ. Основания эти следующие.

«Во-первых,— пишет *N*,— в очень многих случаях составляющие большую систему однотипные объекты не могут существовать одновременно в одинаковых состояниях, не удерживаемые насильственно внешними факторами... Во-вторых, взамен таких “*равномерно размазанных*” и неизменных во времени состояний могут возникать необычайно сложные и многообразные формы коллективного поведения системы, порождаемые очень простыми правилами индивидуальных поступков... Я, естественно, стал помышлять о пути математического моделирования еще одного типа процессов в большой системе: собирательства и расточительства абстрактных предметов в абстрактной человеческой популяции». В итоге, «модель могла бы предсказать условия (или хотя бы факт существования таковых), по достижению которых, например, в системе “люди и книги” будут появляться *долгоживущие сгущения книг*» (Книга в системе общения, 2005: 78). Вот и еще одно определение коллекций любого рода, не только библиофильских — «долгоживущие сгущения»...

Русский географ В. Л. Каганский предлагает в своей концепции восприятия культурного ландшафта выделять семь подходов. Нам сейчас важен вывод о том, что для разных людей, разного культурного и социального статуса «...будут существовать не просто разные образы одного и того же ландшафта, будут существовать *разные миры, реальности*» (Каганский, 2001: 44). Фактически можно говорить, что он дает интересное теоретическое обобщение практике собирания естественнонаучных коллекций. Первым Каганский называет в качестве подхода восприятия ландшафта — «натурализм». «В этом подходе ландшафт дан и воспринимается через его жизненные компоненты — организмы, сообщества. Они комплексно эстетизируются, осмысливаются, изучаются (энтомология, ботаника в широком смысле). Эти компоненты, в широко понятый ряд которых могут входить неживые фрагменты и оестественные артефакты, замещают целое ландшафта» (Каганский, 2001: 45). То есть натурализм как способ включения и освоения ландшафта; методологическая основа — систематика коллекционирования. Другими словами, формирование коллекции можно уподобить созданию ландшафта, его инициацию, оживление, одухотворение. Ведь, как мы уже отмечали, именно коллекционер буквально вдыхает жизнь в коллекцию, заставляет ее «дышать». Вселенная коллекционера, таким образом, это собранный ландшафт из предметов коллекционирования.

Не претендуя на какое-либо обобщение, я могу сослаться только на свои собственные наблюдения. Именно ученые-естествоиспытатели более других подвержены страсти коллекционирования. Они, как будто, и попадают в естествоиспытатели, пройдя «сито» некоего аналога естественного отбора. Совсем уж огрубляя: если в тебе нет собирательской, систематизаторской жилки — в естествоиспытатели тебе лучше не соваться, зря потратишь время.

Статистики ученых-коллекционеров, похоже, нет. Но, как бы там ни было, сам феномен — коллекционерство в среде ученых — есть. А значит, неизбежно есть и латентное до определенного момента стремление системы объяснить самое себя — понять объективную, социально-психологическую причину этого феномена. Построить модель коллекционерской деятельности, через свою коллекцию описать фрагмент мироздания, если не само мироздание. Для достижения этой цели, которая, заметим, с позиций ценологии, недостижима, в нашем распоряжении имеется огромное поле еще не систематизированных фактов.

Литература

Басбейнс Н. (2012). Благородное сумасшествие: библиофилы, библиоманы и вечная страсть к книгам // Библиофильские известия. № 15. М.: Инскрипт. С. 51–61 [*Basbanes N.* (2012). Blagorodnoe sumashestvie: bibliophilny, bibliomany i vechnaya strast' k knigam // Bibliofilskie izvestia. № 15. М.: Inskript. P. 51–61].

Бруберг Г. (2006). Карл фон Линней / пер. со швед. Натальи Хассо. Стокгольм: Швед. ин-т. [*Bruberg G.* (2006). Carl von Linney / per. so shved. Natalyi Khasso. Stockholm: Sved. in-t].

Бодрийяр Ж. (2000). Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи. М.: Ad Marginem [*Baudrillard J.* (2000). Soblazn / per. s fr. A. Garadgi. М.: Ad Marginem].

Бодрийяр Ж. (2001). Система вещей / пер. с фр. Сергея Зенкина. М.: Рудомино. [*Baudrillard J.* (2001). Sistema vestchey / per. s fr. Sergeya Zenkina. М.: Rudomino].

Бьянчи М. (2006). Коллекционирование как парадигма потребления // Экономика современной культуры и творчества: пер. с англ. М.: Прагматика культуры [*B'yanchi M.* (2006). Kolleksionirovanie kak paradigma potrebleniya // Ekonomika sovremennoy culture i tvorchestva / per. s angl. М.: Pragmatica culture].

Вавилов С. И. (2012). Дневники, 1909–1951: в 2 кн. Кн. 2; 1920, 1935–1951. М. [*Vavilov S. I.* (2012). Dnevniku, 1909–1951: v 2 kn. Kn. 2; 1920, 1935–1951. М.].

Васильев А. Н. (2005). Ученые на монетах мира. М.: Физматлит [*Vasilyev A. N.* (2005). Uchenye na monetah mira. М.: Fizmatlit].

Вернадский В. И. (1997). О науке. Том I: Научное знание. Научная мысль / отв. ред. акад. Б. С. Соколов. Дубна: ИЦ «Феникс» [*Vernadsky V. I.* (1997). O nauke. T. I: Nauchnoe znanie. Nauchnaya mysl' / otv. red. akad. B. S. Sokolov. Dubna: Feniks].

Вернадский В. И. (2010). Дневники. Июль 1941 — август 1943. М.: РОССПЭН [*Vernadsky V. I.* (2010). Dnevniku. Iyul' 1941 — avgust 1943. М.: ROSSPEN].

Володихин Д. М., Прашкевич Г. М. (2012). Братья Стругацкие. М.: Молодая гвардия. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1331) [*Volodikhin D. M., Prashkevich G. M.* (2012). Bratya Strugatskie. М.: Molodaya gvardia (Zhizn' zamechatel'nyh l'udey: ser. biogr.; vyp. 1331)].

Грибанов Э. Д. (1962). Медицина в нумизматике (Россия и СССР). М.: Медгиз [*Gribanov A. D.* (1962). Medicina v numizmatike (Rossia i USSR). М.: Medgiz].

Грубе А. В. (1877). Биографические картинки : пер. с нем. М.: Издание книгопродавца А. Л. Васильева [*Grube A. W.* (1877). Biographicheskie kartinki : per. s nem. М.: Izdanie knigoprodavtsa A. L. Vasilyeva].

Каганский В. Л. (2001). Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение [*Kagansky V. L.* (2001). Cul'turny landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo. М.: Novoe literaturnoe obozrenie].

Карьер Ж.-К., Эко У. (2010). Не пытайтесь избавиться от книг! : пер. с фр. СПб.: Симпозиум [*Carriere J.-C., Eco U.* (2010). Ne pytaytes' izbavit'sya ot knig! : per. s fr. SPb.: Symposium].

Книга в системе общения: вокруг «Заметок библиофила»: сб. / авт.-сост. М. В. Рац. СПб.: Ретро, 2005 [Kniga v sisteme obschenia: vokrug "Zametok biblofila": sb. / avt.- sost. M. V. Rats. SPb.: Retro, 2005].

Кузьбаева М. П. (2014). Медицина и здравоохранение России на выставках второй половины XIX — начала XX в. // Вопросы истории естествознания и техники. № 1. С. 77–103 [*Kuzybaeva M. P.* (2014). Russian medicine and public health as represented by exhibitions from the late 19-th — early 20-th centure // Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki. № 1. S. 77–103].

Кун Т. (2014). После «Структуры научных революций» : пер. с англ. М.: АСТ [*Kuhn T.* Posle "Structurey nauchnyh revolutsiy" : per. s angl. М.: AST, 2014].

Лапшин И. И. (1922). Философия изобретения и изобретение в философии (Введение в историю философии): в 2 т. Т. 2. Пг.: Наука и школа [*Lapshin I. I.* Filosofia izobreteniya i izbretenie v filosofii (Vvedeniye v istoriyu filosofii): v 2 t. T. 2. Pg.: Nauka i shkola, 1922].

Латур Б. (2013). Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества : пер. с англ. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге [*Latour B.* (2013).

Nauka v deystvii: sleduya za uchenymy i ingenerami vnutry obchestva : per. s angl. SPb.: Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge].

Левинсон-Лессинг Ф. Ю. (1923). Роль фантазии в научном творчестве // Творчество: сб. статей. Пг.: Научное химико-техническое издательство. С. 36–57 [*Levinson-Lessing F. Y.*, (1923). Rol' fantazii v nauchnom tvorchestve // Tvorchestvo: sb. statey. Petrograd: Nauchnoe khimiko-tekhnicheskoe izdatelstvo. S. 36–57].

Малинкин А. Н. (2011). Коллекционер. Опыт исследования по социологии культуры. М.: ГУ–ВШЭ [*Malinkin A. N.* (2011), Kollektioner. Opyt issledovaniya po sociologii cul'tury. M.: GU–VShE].

Научная элита. Кто есть кто в Российской академии наук / ред. В. К. Фединин, А. И. Зюзин. М.: Гласность, 1993 [Nauchnaya elita. Kto est kto v Rossiyskoy akademii nauk / red. V. K. Fedinin, A. I. Zuzin. M.: Glasnost', 1993].

Нидхэм Дж. (1947). История эмбриологии : пер. с англ. А. В. Юдиной. М.: Изд-во иностр. лит. [*Needham J.* (1947). Istoriya embriologii : per. s angl. A. V. Udinoi. M.: Izd-vo inostr. lit.].

Павлов И. П. (1999). Рефлекс цели // Избранные труды. М.: Медицина. С. 359–365 [*Pavlov I. P.* (1999). Refleks tsely // Izbrannyye Trudy. M.: Medicina. S. 359–365].

Петрицкий В. А. (2012). К 65-летию секции книги и графики. Люди. События. История // Невский библиофил: Альманах. Вып. 17. СПб.: Северная звезда [*Petritsky V. A.* (2012). K 65-letiyu sectsii knigi i grafiki. L'udi. Sobytiya. Istoria // Nevsky bibliophile: Almanac. Vyp. 17. SPb.: Severnaya zvezda].

Рац М. В. (2012). Диалоги книжников. М.: Инскрипт [*Rats M. V.* (2012). Dialogy kniznikov. M.: Inscript].

Селье Г. (1987). От мечты к открытию: Как стать ученым : пер. с англ. М.: Прогресс [*Selye H.* (1987). Ot mechy k otkrytiu: Kak stat' uchenym : per. s angl. M.: Progress].

Серебряков А. Э. (1936). Зоологический кабинет Кунсткамеры // Архив истории науки и техники. М. — Л.: Изд-во Академии наук СССР. Вып. IX. С. 69–128 [*Serebryakov A. E.* Zoologicheskii cabinet Kunstcamery // Arkhiv istorii nauki i tekhniki. M. — L.: Izd-vo Akademii nauk USSR. Vyp. IX. 1936. P. 69–128].

Соболь С. Л. 1949. История микроскопа и микроскопических исследований в России в XVIII веке. М. ; Л.: Изд-во Академии наук СССР [*Sobol S. L.* (1949). Istoriya microscopa i microscopicheskikh issledovaniy v Rossii v XVIII veke. M. ; L.: Izd-vo Akademii nauk USSR].

Станков С. С. (1958). Жизненный путь и труды Карла Линнея // Карл Линней (К 250-летию со дня рождения). 1707–1957. Сб. статей. М.: Изд-во Академии наук СССР. С. 7–77 [*Stankov S. S.* (1958). Zhiznenniy put' i trudy Carla Linneya, Carl Linney (K 250-letiu so dnya rozhdeniya). 1707–1957. Sb. statey. M.: Izd-vo Akademii nauk USSR. S. 7–77].

Суджич Д. (2013). Язык вещей / пер. с англ. М.: Strelka Press [*Sudzhik D.* (2013). Yazyk veschey / per. s angl. M.: Strelka Press].

Теория эволюции: наука или идеология? Труды XXV Люблинских чтений. Вып. 7 / сост. и отв. ред. Б. И. Кудрин. М. ; Абакан: Центр системных исследований, 1998 [Theory evolutsii: nauka ili ideologiya? Trudy XXV Lubischevsky chteniy. Vyp. 7 / sost. i otv. red. B. I. Kudrin. M. ; Abakan: Centre systemnykh issledovaniy, 1998].

Фридман М., Фридланд Дж. (2012). Десять величайших открытий в истории медицины / пер. с англ. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус [*Freedman M., Freedland J.* (2012). Desyat' velichaishih otkrytiy v istorii mediciney / per. s angl. M.: CoLibry, Azbuka-Attikus].

Хайек Ф. А. фон (2003). Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом / пер. с англ. М.: ОГИ [*Hayek F. A. von* (2003). Kontrevol'utciya nauky. Etudy o zloupotreblenii razumom / per. s angl. M.: OGY].

Эко У. (2013). Откровения молодого романиста : пер. с англ. М.: АСТ: CORPUS [*Eco U.* (2013). Otkroveniya molodogo romanista : per. s angl. M.: AST: CORPUS].

Якобс В. А. (1983). Почтовые гашения в филателистических коллекциях. М.: Радио и связь [*Yakobs V. A.* (1983). Pochtovye gasheniya v philatelicheskikh collectsiyakh. M.: Radio i svyaz'].]

Collecting as the Main Form of Manifestation of the Instinct of Scientific Research

ANDREY G. VAGANOV

Chief of the Popularization of Science and Technology Group,
Institute for the History of Science and Technology named after Sergei I. Vavilov,
Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia;
e-mail: andrewvag@gmail.com

The phenomenon of collecting is still largely unreflected. The theme is “scientists collectors” almost white spot in the social history of science. Nevertheless, it is legitimate there is a special term — “research collection”. The article attempts to offer an unconventional approach to the study of science. Using numerous historical examples show the convergence and interaction of collecting and research activities, the importance of creating the collections in the learning process. This kind of rapprochement between science and collecting, apparently, mutually conditioned process. Not only collecting the highest stage of development, is melted in a scientific exercise, but doing science has all the characteristics inherent in the project collecting.

Keywords: collectors, collection of research, sociology collectibles.

НАТАЛЬЯ ИВАНОВНА ИВАНОВА

младший научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники им С. И. Вавилова РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: nativa587@yandex.ru

Академик Г. В. Крафт о новых физических приборах и технологиях (по материалам журнала «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях». 1728–1742 гг.)

С 1728 по 1742 год в Академической типографии выходил первый российский научно-популярный журнал «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания в Ведомостях». В течение 15 лет в нем было опубликовано более 1000 статей, освещающих научную, светскую и культурную жизнь России и Европы. «Примечания» играли существенную роль в деле просвещения и распространения знаний в нашей стране. В частности, не потеряли своей научной значимости статьи по естественнонаучной тематике. В статье освещены несколько подобных работ академика Г. В. Крафта.

Ключевые слова: журнал «Примечания в Ведомостях», распространение научных знаний в XVIII веке, деятельность академика Крафта Г. В., естественные науки, физические приборы.